

A painting of a man with a full brown beard and mustache, looking slightly to the left. He is wearing a dark blue coat over a white shirt and a dark bow tie. The background shows a rugged, mountainous landscape with rocky peaks and a cloudy sky. The style is realistic with visible brushstrokes.

Сергей Котов

**Так говорил
Освободитель. Третий
Завет, или Евангелие
соборного действия
(интерпретация в духе
«Так говорил
Заратустра»)**

Сергей Котов

**Так говорил Освободитель. Третий
Завет, или Евангелие соборного
действия (интерпретация в
духе «Так говорил Заратустра»)**

«Автор»

2026

Котов С.

Так говорил Освободитель. Третий Завет, или Евангелие соборного действия (интерпретация в духе «Так говорил Заратустра») /
С. Котов — «Автор», 2026

Поэма «Так говорил Освободитель», созданная в стилистике «Так говорил Заратустра» Фридриха Ницше, представляет собой дерзкий идейный гибрид. Автор берёт ницшеанскую форму – афористичность, притчевость, пафос «сверхчеловека» и «воли к власти», – но наполняет её прямо противоположным содержанием: не индивидуалистическим преодолением морали рабов, а коллективистским освобождением от капиталистической эксплуатации. Стилизация выполнена с высоким мастерством: узнаваемы библейские интонации («О братья мои»), образы солнца, бездны, пляски, презрение к «последнему человеку», а также любимые ницшеанские приёмы – парадокс, насмешка над попами и метафизиками. Однако автор не рабски копирует, а переосмысливает: «Бог устал быть хозяином», «рай – это коммуна», «молитва – наркотик для рабов». Лучшие фрагменты – переработка армагеддона в классовую битву, а вечного возвращения – в этику ответственности за дело, которое переживёт индивида.

Содержание

Глава I.	5
О трех заветах и лестнице человечества	5
Глава II.	9
О грехе и искуплении	9
Глава III.	15
О Христе и Втором пришествии	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Сергей Котов

Так говорил Освободитель. Третий Завет, или Евангелие соборного действия (интерпретация в духе «Так говорил Заратустра»)

Глава I.

О трех заветах и лестнице человечества

1.

Первый Завет был колыбелью, но колыбель становится гробом,
если в ней остаётся взрослый.
«Ты должен», — говорил Закон, — «служить роду, чтить предков,
приносить жертву идолю территории».
И люди сгибали спины под плетью обычая.
Я видел народ, который чтит свою землю,
но не видел брата в чужеземце.
Я видел жреца, который резал агнца за грехи племени,
но не отдал последний хлеб вдове из другого стана.
Первый Завет — это верблюд, навьюченный «ты должен».
Имя ему — Рабство по рождению.

2.

Но Заратустра учил о трёх превращениях духа.
Вот второе: верблюд становится львом.
Лев говорит: «Я хочу».
Лев сражается с драконом «Ты должен» —
с драконом, чья чешуя сверкает золотом крови и железа.
И этот дракон распадается на две головы:
одна голова — «чти царя», другая — «чти попа».
Лев рычит в пустыне, и пустыня отвечает:
«Нет больше иудея, ни язычника;
нет раба, ни свободного;
нет мужского пола, ни женского».
Так говорил Второй Завет, и имя ему — Личность.

3.

Но я спрашиваю вас, о братья мои:
что есть личность, вырванная из рода,

если она не становится мостом к другому?
Она — горящая свеча в пустой комнате.
Она — птица без стаи, которая падает замертво от одиночества.
Второй Завет дал человеку душу, но оставил тело на съедение маммоне.
«Спасайся один», — шепчет поп, — «молись в тиши своей комнаты».
Но я говорю вам: горе тому, кто спасается один,
ибо рай в одиночку — это ад,
а ад с товарищем становится чистилищем, ведущим к свету.

4.

Вы поняли меня, мои братья?
Нужно третье превращение: лев становится ребёнком.
Ребёнок говорит: «Я есмь — и мы есмь».
Ребёнок не верит в священную частную собственность,
ибо знает: земля ничья, пока все не скажут «наша».
Ребёнок не молится небесному царю,
ибо видит, что царство небесное строится из глины и пота.

Третий Завет — это соборное человечество,
где каждый свободен, потому что все равны,
и все равны, потому что каждый свободен.
Не кровь связывает вас, и не вера в невидимого,
а общий труд и общий хлеб,
и общее завтра, которого нет без вас.

5.

О, как смеюсь я над теми, кто говорит:
«Ветхий Завет был хорош, Новый — лучше, а третий — ересь».
Колодец не оскверняет того, кто напился и идёт дальше;
лестница не проклинает того, кто ступил на следующую ступень.
Ветхий Завет был семенем; Новый — ростком;
Третий — деревом, в котором поют птицы всех цветов кожи и всех языков.

Но горе тому, кто вырвет росток и скажет: «Это и есть всё дерево».
Горе тому, кто засушит семя в музее и назовёт это вечностью.
Я хочу, чтобы вы были деревьями, а не гербариями.
Я хочу, чтобы вы сжигали старые скрижали,
когда они мешают дышать,
и писали новые на коре этого дерева —
каждый день, каждым собранием, каждым ударом молотка.

6.

Так говорил Заратустра, когда спускался во второй раз,
ибо первый раз он принёс закон,
а второй раз — освобождение от закона,

а третий раз — освобождение ради любви,
которая не ждёт награды на небе,
потому что сама стала небом.

Я вижу ваш вопрос, вы спросите:
«А как же Бог? Где Бог в Третьем Завете?»
Бог устал быть хозяином, а вы устали быть рабами.
Бог сказал: «Я умру, чтобы вы стали богами».
И вы становитесь богами каждый раз,
когда на собрании равенства последний говорит первое слово,
и никто не поднимает жезла над другим.

Богом зовётся не царь на троне,
а та минута, когда двое или трое собрались во имя освобождения
и сказали: «У нас больше нет тайн,
ибо мы стали прозрачны друг для друга, как вода».

7.

Завет крови — это прошлое.
Завет души — это настоящее.
Завет соборного тела — это будущее,
которое мы делаем руками, пока ещё не поздно.

Я люблю того, кто не говорит: «Мои предки были рабами»,
но говорит: «Мои потомки будут свободными —
и я, их предок, несу им свободу через свою жизнь».

Я люблю того, кто не просит прощения у мёртвых богов,
но сам прощает живым,
потому что сам может ошибиться.

Я люблю того, кто танцует на развалинах частной собственности,
как дитя на песке,
и строит замки, в которых хватит места всем.

8.

Вот вам три имени, как три удара колокола:
Род — Личность — Собор.
Первое — земля, второе — небо, третье — мост над бездной.
Идите же по этому мосту,
и не бойтесь, что мост шатается,
ибо шатается тот, кто не идёт,
а идущий делает мост устойчивым своей поступью.

Так говорил Освободитель.

И потом он замолчал, потому что слова — только начало,
а продолжение — в ваших руках, соединённых рукопожатием без фальши.

Глава II.

О грехе и искуплении

1.

Слушайте меня, братья мои, о грехе,
который не смыть водой и не выплакать в подушку,
ибо грех не в том, что вы украли яблоко,
а в том, что кто-то владеет всей яблоней,
а вы стоите с пустыми руками.

Так говорил Заратустра, глядя на торжище,
где продавали невесть что за невесть какие деньги.

2.

«Грешен я, грешен», — шепчет раб,
и бьёт себя в грудь, и ставит свечу перед иконой.
А я смеюсь над этим шепотом, ибо грех его —
не в том, что он плохо молился,
а в том, что он вообще молился,
когда надо было брать вилы и идти на баррикады.

Грех — это структура, а не поступок.
Грех — это золотая цепь, на которой висят миллионы замков.
Грех — это безмолвие богатых,
когда голодный смотрит на их окна.

3.

О братья мои, вы знаете трёх драконов,
которые душат человечество?
Первый дракон — Частная Собственность,
его чешуя — проценты, дивиденды, рента.
Он говорит: «Моё — моё, и твоё — моё, если я сильнее».
Он лжёт, когда учит, что земля может быть чьей-то.
Земля — это тело всех, и тот, кто отрезает кусок и говорит «моё»,
отрезает палец у общего тела.

Второй дракон — Государство-Палач,
его голос — сирена и приказ, его язык — закон,
который защищает первого дракона.
Он говорит: «Повинуйся, плати налоги, не ропщи,
ибо власть от Бога».
Но я говорю вам: власть от того, кто умеет стрелять,

а Бог сидит в засаде и молчит.

Третий дракон — Идеология-Ложь,
самый хитрый, ибо он живёт в вашей голове.
Он шепчет: «Другого мира нет»,
«Богатые потому богаты, что умны»,
«Бедные потому бедны, что ленивы».
Он заставляет вас стыдиться своей бедности
и поклоняться чужому богатству.

Вот три головы дракона, и имя этому дракону — Капитализм.
Не убивайте его по кускам — убивайте всего,
ибо каждый кусок отрастает снова.

4.

«Искупление», — говорят попы, — «это кровь агнца».
«Искупление», — говорят торгаши, — «это цена товара».
А я говорю: искупление — это действие.
Не жертва, а забастовка.
Не кровь, а солидарность.
Не прощение сверху, а справедливость снизу.

Представьте, братья мои:
если вы украли у меня хлеб,
может ли кто-то другой принести жертву за вас?
Нет. Только вы можете вернуть хлеб,
а если хлеб уже съеден —
построить мельницу для всех.

Искупление — это когда капиталист отдаёт завод рабочему коллективу.
Искупление — это когда полицейский бросает дубинку и идёт в профсоюз.
Искупление — это когда ты сам,
своими руками,
с товарищами рядом,
уничтожаешь ту самую структуру,
которая делала тебя грешником без твоей вины.

5.

Я люблю того, кто не говорит: «Прости меня, Господи»,
а говорит: «Прости меня, товарищ, я был слеп,
теперь я вижу — и беру винтовку в руки, чтобы ты тоже прозрел».

Я люблю того, кто не ждёт отпущения от священника,
а идёт на общее собрание и говорит:
«Вот, я присвоил себе лишнее, вот, я проглядел,
вот, я побоялся. Судите меня, братья,
и дайте мне работу потяжелее, чтобы я искупил перед вами».

Я люблю того, кто знает, что грех не смывается,
а только заглаживается делами,
и что нет другого чистилища, кроме коллективной памяти,
и нет другого рая, кроме коммуны,
где каждый смотрит на каждого без стыда и без страха.

6.

О братья мои, слышали вы о Страшном суде?
Он уже идёт.
Каждый день капитализм судит сам себя —
голодом, войной, отравленной рекой.
И приговор уже написан:
«Ты повинен в смерти миллионов,
и имя тебе — Легион».

Но я говорю вам о суде ином —
о суде трудящихся.
Когда последний завод перейдёт в руки тех, кто на нём стоит,
тогда соберётся международный трибунал,
и свидетелями будут кости рабов,
и прокурорами — дети, не знавшие детства,
и присяжными — все народы земли, обнявшись.

И тогда не будет оправдания тем,
кто владел, пока другие голодали.
Но и мести не будет — будет восстановление.
Искупление — это не кара, а стройка.

7.

«Страдание очищает», — так говорят те, кто не страдал.
А я говорю: страдание само по себе — грязь и мерзость.
Никогда не благословляйте страдание, не ищите его,
не принимайте его как дар небес.
Страдание — это продукт эксплуатации,
как навоз — продукт конюшни.
Вы не целуете навоз, вы его убираете.

Но если страдание настигло вас
в борьбе за освобождение,
если вас били на демонстрации,
если вы лежали в больнице после забастовки,
если вас уволили за правду —
тогда ваше страдание становится семенем.
Ибо такое страдание не унижает, а закаляет,
и о нём будут слагать песни,
и дети будут спрашивать: «Что сделал дед?»

А вы ответите: «Он страдал, чтобы мы не страдали».

8.

Христос, говорят, искупил грехи мира своей кровью.
Я не знаю, правда ли это —
может быть, правда, может быть, нет,
ибо квантовая бездна не даёт ответа.
Но я знаю одно: даже если он искупил что-то там,
на Голгофе,
здесь, на земле, у нас остались неискуплённые
долги, раны, могилы.

Христос не заплатил ваши кредиты,
не отменил вашу ипотеку,
не раздал землю крестьянам.
Это можете сделать только вы.
И если вы будете ждать, что кто-то другой
прольёт кровь за вас —
вы будете вечными должниками,
и ваша душа (если она есть)
будет вечно корчиться в стыде,
глядя на то, что вы могли сделать — и не сделали.

9.

Так говорил Заратустра, и после долгого молчания
он добавил, глядя на запад, где дымили трубы:

Есть три ступени искупления:
Первая — Увидеть.
Увидеть, что цепь не на тебе одном,
а на всех, и что звенья сковывают палача и жертву вместе.
Вторая — Соединиться.
Не плакать в одиночку, а взять за руку соседа
и сказать: «Теперь мы — сила».
Третья — Разрушить.
Не молиться, не поститься,
а взвести курок (если нужно)
или перекрыть конвейер (если хватит смелости).

И после разрушения — Строить.
Строить так, чтобы грех не вернулся в новом обличье.
Ибо грех хитер: он меняет маски,
но суть его одна — власть одного над другим.

10.

О братья мои, я завещаю вам ненависть к греху,
но не к грешнику.
Ибо грешник — это тоже жертва,
даже если он владелец завода.
Он тоже запутался в паутине дракона.
Но ненависть к нему не спасёт — спасёт только,
когда он сам порвёт свои золотые цепи
и придёт к вам с пустыми руками.

А если не придёт —
пусть его судит история,
а мы будем строить коммуны без него.
И когда коммуна станет всемирной,
его душа (если она есть)
будет вечно бродить вокруг,
как голодный пёс,
и вечно помнить, что она могла войти,
но не захотела.

11.

И последнее скажу вам о коллективном Спасителе.
Христос, Будда, Магомет —
все они были одиноки,
ибо толпа ещё не созрела.
А наш Спаситель — это мы,
когда мы берём ответственность на себя.
Не один пастух, а стадо, которое стало своим пастухом.
Не царь на троне, а Совет на площади.

Спасать себя самого — значит спасать всех,
потому что все — это ты,
растянутый во времени и пространстве.
Искупить свою душу (если она есть) —
значит искупить чужую боль,
чтобы она перестала быть чужой.

12.

Так говорил Освободитель.
И он поднялся с места,
и его тень упала на стены старого мира,
и стены затрещали,
потому что тень эта была тяжелее всех молитв,
вместе взятых.

«Танцуйте», — сказал он. —
«Танцуйте над пропастью, которая называется "прошлый грех".»

Танцуйте так, чтобы ваши ноги отбивали ритм новых машин,
на которых никто не работает за страх,
а все — за радость.

И когда вы устанете танцевать —
сядьте в круг, и поделите хлеб,
и скажите друг другу:
"Мы ещё не искуплены,
но сегодня мы стали ближе, чем вчера".
И это будет ваша евхаристия,
и это будет ваша победа».

Так говорил Заратустра. И я замолкаю,
потому что сказано достаточно.
Остальное — за вашими руками.

Глава III.

О Христе и Втором пришествии

1.

Когда Заратустра спустился с гор в третий раз,
он нёс не молот, не скрижали,
а только вопрошание, как факел,
и тень его легла поперёк церквей и бирж.

«Вы всё ещё ждёте Того, Кто придёт на облаках? —
смеялся он. —

Я видел облака: они из водяного пара,
а на них сидят лишь голуби да скука.

Но я видел другое:

тысячи рук, сжатых в кулак,
идущие через площадь,
и это было прекраснее любого второго пришествия».

2.

О братья мои, кто такой Иисус?

Я не знаю.

Может быть, Сын Божий — тогда пусть он простит меня за смех.

Может быть, пророк — тогда пусть он узнает в моём смехе своё эхо.

Может быть, просто бунтарь из Галилеи,

которого распяли за то, что он учил:

«Нельзя служить Богу и маммоне».

Я не знаю. И вы не знаете.

И тот, кто говорит, что знает, — лжёт,

ибо квантовая бездна не выдаёт своих тайн.

Но вот что я знаю:

его учение — это зерно, брошенное в землю.

Зерно умерло — и принесло плод:

общины, где всё общее,

протесты против храма,

проклятия богатым.

А вы, христиане, превратили это зерно в камень,

которым бьёте по головам бедных.

3.

«Христос воскрес», — поют попы,

и их голоса сладки, как сироп из лжи.

Я не знаю, воскрес ли он.
Если воскрес — то почему его тело не ходит по земле?
Если не воскрес — то почему вы боитесь смерти?
Вот моё воскресение:
когда ребёнок, который никогда не видел голода,
смеётся над жадностью,
как над страшной сказкой.
Вот моё воскресение:
когда старый рабочий умирает,
и тысячи идут за его гробом,
и поют не «Святый Боже»,
а «Интернационал».
В этом воскресении я уверен,
а в том, что было в саду у Магдалины, —
пусть судят те, кто любит гадать на кофейной гуще.

4.

«Второе пришествие грядёт», — каркают вороны с колоколен.
А я говорю вам: оно уже здесь,
только вы не узнали его,
потому что оно не похоже на парад с трубами.
Второе пришествие — это когда двое безработных
делят последнюю буханку,
и никто из них не говорит: «Моё».
Второе пришествие — это когда завод,
на котором людей держали в страхе,
становится кооперативом,
и директор сам стоит у станка.
Второе пришествие — это когда дети разных цветов кожи
играют в одной песочнице,
и никто не учит их ненавидеть.

Оно приходит, как вор, —
не в золоте и пурпуре,
а в молчаливом упорстве солидарности.
Но вы смотрите в небо,
а небо пусто,
ибо Богу надоело быть клоуном.

5.

Я люблю того, кто не ждёт Царя,
а сам становится царём —

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.